

УДК [81'373.612.2:81'42](430)
doi 10.17072/2073-6681-2020-1-45-57

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ КРИЗИСА ИДЕНТИЧНОСТИ В НЕМЕЦКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ, ПОСВЯЩЕННОМ ПОСТСОВЕТСКИМ МИГРАНТАМ В ГЕРМАНИИ

Лариса Григорьевна Лапина

к. филол. н., доцент кафедры лингводидактики

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. lapina48@mail.ru

SPIN-код: 4181-4364

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7550-7779>

ResearcherID: D-8543-2017

Евгения Витальевна Лапина

к. филол. н., доцент кафедры лингводидактики

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. janerm@list.ru

SPIN-код: 1609-1628

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2091-0840>

ResearcherID: D-1049-2017

Статья поступила в редакцию 26.11.2019

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Лапина Л. Г., Лапина Е. В. Метафорическое представление кризиса идентичности в немецком общественном дискурсе, посвященном постсоветским мигрантам в Германии // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, вып. 1. С. 45–57. doi 10.17072/2073-6681-2020-1-45-57

Please cite this article in English as:

Lapina L. G., Lapina E. V. Metaforichesкое predstavlenie krizisa identichnosti v nemetskom obshchestvennom diskurse, posvyashchennom postsovetskim migrantam v Germanii [Metaphoric Representation of the Identity Crisis in German Social Discourse on Post-Soviet Migrants in Germany]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2020, vol. 12, issue 1, pp. 45–57. doi 10.17072/2073-6681-2020-1-45-57 (In Russ.)

Рассматриваются способы метафорического представления кризиса идентичности в немецком общественном дискурсе, посвященном постсоветским мигрантам в Германии. В современном западноевропейском обществе вместе с ростом миграционных процессов и социально-культурными трансформациями понятие кризиса идентичности мигрантов становится все более релевантным. Для Германии эта тема приобрела особую актуальность с точки зрения перспектив и вызовов успешной интеграции представителей разных миграционных потоков. В данной статье анализируются когнитивные метафоры кризиса идентичности постсоветских мигрантов. Во внимание принимаются исторические и законодательные предпосылки возникновения этого сообщества, а также присущая ему специфика формирования и переживания кризиса идентичности.

Делается вывод о том, что языковое сопровождение и осмысление в эссе комплексных общественных процессов, к которым относится миграционное движение, неизбежно сопровождается появлением и актуализацией в тексте пространственных метафорических моделей, связанных с разграничением пространств и с нахождением и перемещением в этих пространствах субъектов миграции. В процессе развертывания базовые пространственные метафоры обрастают разветвленной сетью со-

относительных вторичных метафорических номинаций. Особое значение в составе базовых пространственных метафор имеет функционирование причастных форм: они подчеркивают процессуальный характер миграции: динамику перемещения мигрантов и проявления кризиса идентичности в условиях гетерогенного миграционного общества.

Ключевые слова: метафора; общественный дискурс; миграционное общество; постсоветские мигранты; кризис идентичности.

Интенсивные миграционные процессы второй половины XX – начала XXI в. нашли отражение в немецком общественном дискурсе. Вопросы интеграции мигрантов в немецкое общество, проявление толерантности по отношению к ним, с одной стороны, и неприязненного отношения, с другой стороны, уже несколько десятилетий являются объектом многочисленных исследований. Особенно актуальными оказываются при этом проблемы кризиса идентичности как представителей принимающего общества, так и членов миграционного сообщества. Показательными являются, например, заявления о том, что миграционный кризис подрывает основы немецкого общества и особенно его средний слой (“die Mitte der Gesellschaft”), что беженцы изменяют Германию (“Flüchtlinge verändern Deutschland”), что в миграционных обществах, к которым относится и Германия, общество начинает воспринимать себя вне рамок национального государства (“Vergesellschaftung jenseits des Nationalstaates”), что в кризисные времена необходимо переосмысление понятия национальной идентичности (“nationale Identität in Krisenzeiten”) [Zufluchtsgesellschaft Deutschlands 2016]. У кризиса идентичности есть и лингвистические аспекты: изучение языковых механизмов и миграционного лексикона, ведущих к обогащению общественного дискурса (обозначение участников миграционных процессов, этапов миграции, противоборствующих сторон миграционного кризиса и т. п.). В меньшей степени лингвистические исследования ведутся на уровне текста, что определяет новизну данного исследования. В частности, действенным средством осмысления кризиса идентичности является обращение к его развернутому метафорическому представлению в тексте.

Понятие кризиса идентичности во многом связано с идеями американского психолога Э. Эриксона, отмечавшего, что идентичность индивида основывается на двух принципиальных признаках: на ощущении тождества самому себе и непрерывности своего существования во времени и пространстве. Важно также, чтобы и тождество и непрерывность признавались окружающими [Эриксон 2006: 58–59].

Как правило, остро встает вопрос об идентичности личности, основывающейся на языке и ли-

тературе, искусстве и социальных практиках, обычаях и нравах, иначе говоря, элементах, обеспечивающих осознание культурной общности и представляющих ее память. В результате эмиграции изменяются языковые и ценностные ориентиры, новое окружение не следует устоявшимся правилам и нормам поведения. Кризис представлений о пространственной и временной непрерывности идентичности личности коренным образом меняет структуру этой идентичности. Идентичности мигранта могут меняться в течение относительно короткого периода времени, превращая стабильную в социальном плане личность в переселенца с неопределенным статусом. Идентичности могут также накладываться одна на другую, создавая множественную, гибридную идентичность. По мнению культурологов, гибридизация ассоциируется с ощущением промежуточности своего существования на данном этапе, пребывания между прошлыми и будущими образами идентичности: “in-between the designations of identity, ... this interstitial passage between fixed indications opens up the possibility of a cultural hybridity” [Bhabha 2004: 4]. Идеи национальной и культурной идентичности резко обострились в Европе в связи с миграционным кризисом 2015–2016 гг., когда в центре внимания оказались беженцы из зон военных конфликтов и регионов экономического бедствия. Однако миграционный кризис сказался также и на других потоках переселенцев, которые внешне вполне благополучно интегрировались в немецкое общество.

Оказавшись с середины XX в. в эпицентре миграционного движения, Германия приняла или пересмотрела целый ряд законов с целью упорядочения процесса миграции. Так, в 2010 г. федеральное министерство по труду и социальной политике уточнило ключевые понятия «лицо с миграционным прошлым» (“Person mit Migrationshintergrund”), «переселенец» (“Aussiedler”) и «поздний переселенец» (“Spätaussiedler”) [Verordnung zur Erhebung der Merkmale des Migrationshintergrundes 2010]. В 2017 г. в Законе о беженцах [Asylgesetz 2017] был унифицирован статус беженца (Asylbewerber); первая версия этого закона была принята еще в 1992 г. и подверглась коррекции в 2008 г. Закон о беженцах является сегодня основным законодательным актом по миграции в Германии.

В данной статье мы обращаемся к одному из потоков переселенцев, выезжавших в Германию из бывших республик Советского Союза. Как известно, практика выдачи разрешений на выезд в Германию стала складываться в Советском Союзе после вступления в силу 1 января 1987 г. соответствующего закона. Приток в Германию переселенцев из России практически прекратился в 2006 г. В Германии правовая сторона возвращения немцев на историческую родину регулировалась ст. 116, абз. 1 Основного закона ФРГ [Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland 2014] и Федеральным законом по делам изгнанных и беженцев от 19.05.1953 [Bundesvertriebenengesetz 2009], который был обнародован в новой версии 10.08.2007 и частично изменен 06.07.2009. При въезде в страну этим категориям лиц сразу же предоставлялись все гражданские права и помощь в интеграции.

Существенную часть этого миграционного потока, согласно Закону по делам изгнанных и беженцев, составляли российские немцы, до 31.12.1992 имевшие статус переселенцев (Aussiedler), а затем получившие статус поздних переселенцев (Spätaussiedler). Наряду с российскими немцами, начиная с 1990 г. из республик бывшего Советского Союза (в особенности, из таких крупных городов, как Москва, Петербург, Рига, Киев, Днепрпетровск и Одесса) в Германию на специальных условиях прибыли также 215 000 евреев и членов их семей, которые получили статус особого контингента беженцев (jüdische Kontingentflüchtlinge). Контингент еврейских беженцев отличался некоторыми социологическими характеристиками, особым употреблением языка и средств массовой информации, политическими установками и отношением к Советскому Союзу и России, однако не считался проблемной категорией переселенцев, так как на них распространялись особые условия приема в Германии.

Материалом для нашего анализа послужило эссе Дмитрия Капительмана “Was ist Heimat? Im Camp der Bestmöglichangekommenen” [Kapitelman 2017]¹, немецкого писателя и журналиста с еврейскими корнями, родившегося в 1986 г. в Киеве и выехавшего в 1994 г. в Германию вместе с родителями в составе особого контингента еврейских беженцев. В эссе представлена миграционная проблематика, которая касается поздних переселенцев. Обращение к ней показательное хотя бы потому, что тема интеграции в Германии постсоветских мигрантов казалась к моменту написания эссе уже практически исчерпанной. Однако эссе показало, что внешне благополучно прошедшая интеграция поздних переселенцев в

Германии оставила глубокие следы в их судьбе и ментальном лексиконе. Это утверждение касается, впрочем, не только особого контингента еврейских беженцев, но и турецких гастарбайтеров [Özdamar 2004] и переселенцев других национальностей.

Одним из ключевых понятий эссе Дмитрия Капительмана является понятие родины (Heimat), вынесенное в заглавие. Автор-мигрант пытается дать ответ на вопрос “Was ist Heimat?” («Что такое родина?»). Поскольку однозначного ответа на этот вопрос у лиц с миграционным прошлым, как правило, не существует, у них может возникнуть кризис идентичности. Толковые словари интерпретируют семантику слова “Heimat” как место, в котором человек чувствует себя дома, как место рождения, место проживания, отечество (“Ort, an dem man zu Hause ist, Geburts-, Wohnort; ... Vaterland”), а смысловой объем соотносительного понятия “Heim” как “Wohnung, Haushalt (bes. einer Familie); Wohnstätte für einen bestimmten Personenkreis”. В древне-верхне-немецком языке “Heim” имело значение “Heimat, Wohnort, Haus” [Wahrig 1997: 613].

В качестве предмета исследования выступили текстовые репрезентации когнитивной метафоры гибридной идентичности в эссе Д. Капительмана. Эссеистику как своего рода художественно-документальную литературу, «литературу факта» [Спивак-Лаврова 2018: 115], основывающуюся на собственном жизненном опыте и рефлексии, связанной с этим опытом, но в то же время имеющую ярко выраженное общественное звучание, мы относим к ярким текстовым репрезентациям общественного дискурса. Свойственное эссе ассоциативное и свободное по форме изложение позволяет органично сочетать элементы документалистики, актуальность и полемическую заостренность с выходом на самые «неудобные» политические и социальные проблемы, субъективный отбор фактов и их эмоциональное предъявление, пронзительную самоиронию. Как правило, эссе не претендует на исчерпывающее освещение предмета, оно допускает различные интерпретации. Присущая эссе полифоничность наиболее полно соответствует структуре множественной идентичности. Исследователи жанровой поэтики эссе видят ее неразрывную связь с метафорическим моделированием действительности: «Эссе задает утопическую перспективу, заставляя автора экспериментировать с теми сюжетами и мотивами, лексическими и метафорическими конструкциями, которые с точки зрения общепринятой поэтики следовало бы признать невозможными» [Голышко-Вольфсон 2010: 202].

Возобновление интереса к жизненным траекториям мигрантов из бывших республик Советского Союза повлекло за собой необходимость уточнения понятий, связанных с их статусом [Panagiotidis 2017]. Так, Я. Панагиотидис предлагает называть всех выходцев из бывшего Советского Союза постсоветскими мигрантами (“post-sowjetische Migranten”), а не русскоязычными, как было ранее. Собирательное понятие “post-sowjetische Migranten” базируется, по его мнению, на статистически достоверной категории страны происхождения, а не на расплывчатом критерии языка, тем более что русскоязычное население Германии представляет собой довольно разнородную группу людей численностью (по разным оценкам) от 3 до 6 миллионов человек при весьма разном уровне владения русским языком [Panagiotidis 2017: 23].

Как оказалось, постсоветских мигрантов в Германии не миновал кризис идентичности, действенным средством осмысления которого в общественном дискурсе оказывается метафора. Результаты многочисленных исследований в области когнитивистики свидетельствуют о том, что человеку свойственно метафорическое восприятие окружающей действительности [Лакофф, Джонсон 2004: 195]. К. Тилли указывает, что по существу вся привычная для человека категориальная система метафорична, т. к. основана на способности человека к аналоговому мышлению [Tilley 1999: 16].

Со времен Аристотеля метафору классифицировали как сокращенное сравнение; представители традиционной теории (Аристотель, В. В. Виноградов, В. Н. Телия, Э. Кассирер и др.) видели в ней образное и риторическое средство, принадлежащее поэтической речи. Однако в связи с возникновением когнитивистики и ее пристальным вниманием к ментальным операциям метафоризация была признана когнитивным процессом, структурирующим наше мышление и восприятие, когда «неизвестное становится известным, а известное, в свою очередь, совершенно новым» [Баранов, Караулов 1991: 190]. Концептуальная метафора – универсальный гносеологический механизм, способ концептуализации, категоризации, познания и объяснения мира [Лакофф, Джонсон 2004; Чудинов 2001]. Она позволяет нам упорядочить элементы окружающей действительности, служит продуктивным средством формирования вторичных номинаций, представляя сущности одной понятийной области через другую. Метафора формирует сознание человека, поскольку актуализирует в его мыслительной деятельности определенную систему связей и представлений. Именно поэтому

Дж. Лакофф говорил о метафорических моделях, с помощью которых мы структурируем мир вокруг нас. Метафорические модели выступают в языке как элементы целостной системы ассоциативных связей, которая фиксируется в сознании носителей языка. Данная система имеет регулярный характер, она устойчива и основывается на прочности когнитивных структур в ментальном мире человека.

Метафорические модели строятся на основе базисных представлений, во многом являющихся универсальными для общечеловеческой картины мира. Процесс метафоризации позволяет совместить практический и интеллектуальный опыт человека, универсальные категории и концепты определенной национальной картины мира, индивидуальные представления и сложившиеся и закрепленные культурой архетипические и мифические образы. В процессе освоения окружающей действительности субъект познания не только вербализует предметы и явления окружающего мира. С помощью аналогово-образных механизмов мышления, находящих выражение в языке через сопоставления, ассоциативные репрезентации и аналогии, он моделирует духовное пространство, в котором воплощаются нематериальные сущности. Будучи результатом процесса метафорического кодирования жизненного опыта, когнитивные фрагменты, не имеющие однозначных единиц измерения, получают конкретную (например, пространственную) интерпретацию, как это будет показано ниже на конкретном материале, а внутренний мир человека опредмечивается и становится доступным для научного анализа. В современных гуманитарных дисциплинах семантика метафор помогает составить представление о механизмах порождения, коммуникации и восприятия нового знания, а исследование распространенности тех или иных метафорических моделей является средством изучения культурно-исторической, социально-экономической и политической парадигм.

Концептуальная метафора и метафорическое моделирование весьма распространены в различных видах дискурса и являются одним из основных средств идейно-художественной концептуализации действительности. Сопоставительный анализ метафорического словоупотребления позволяет выделить доминантные метафорические модели, характерные для творчества того или иного автора, литературной школы или освещения определенной научной темы. В нашем случае метафоры, будучи проекцией национального и культурного сознания, способны передавать сложный комплекс представлений о миграционном обществе, преобразовывать подсознатель-

ные ощущения в систему вербальных репрезентаций противоречивого опыта лиц с миграционным прошлым.

В когнитивной лингвистике накоплен богатый опыт исследования метафоры как средства познания мира и репрезентации его в дискурсе. Вслед за Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, А. Н. Барановым, Ю. Н. Карауловым, А. П. Чудиновым, Э. В. Будаевым [Лакофф, Джонсон 2004; Баранов 1994; Баранов, Караулов 1991; Чудинов 2001; Будаев 2008] и другими исследователями под метафорой мы понимаем способ мышления, концептуализации и категоризации окружающей действительности, создающий целостную языковую картину мира. Метафорической основой мировидения является сам человек, его опыт, социальная среда и деятельность в процессе бытия [Веснина 2010: 50]. Ключевыми для анализа обычно становятся метафорические образы идентичности, рождающиеся на стыке культур.

Анализ текста эссе свидетельствует о том, что интеграция не есть ассимиляция, а дальнейшие поиски обострились в период миграционного кризиса проблемы идентичности, который во многом вызван и обусловлен несовместимостью жизненного опыта постсоветских переселенцев, накопленного ими до въезда в Германию, и реалий принимающей страны. Тем более что в некоторых случаях (например, при почти принудительной смене «неподходящих» имен и фамилий при переселении в Германию) германские ведомства действовали весьма настойчиво и жестко: “Meine Großeltern, Rachel und David Kapitelman, haben Leonid mal erklärt, dass der Name mit der langen Rabbitradiation der Familie zusammenhängt. Kapitelman ist im Jiddischen der besonders talmudkundige Mann, der gern und oft Kapitel aus der heiligen Schrift herbetet. Und weil mein Vater Angst davor hatte, dass die Antisemiten der Ukraine wünschen, dass mir Judenkind das Faringosept in der Kehle stecken bleiben möge, beschloss er, dass ich nicht Kapitelman heißen soll. Was heute, 21 Jahre nach unserer Auswanderung nach Germania, dazu führt, dass ich mit deutschen Behörden um mein Recht auf den Namen des Talmudkundigen ringe. Denn Namensänderungen für Bestmöglichgekommene mit ukrainischem Pass sind administrativ so unkompliziert wie die Wassersuche auf dem Mars” (5)².

Анализируемый текст имеет форму повествования от лица автора о поисках родины и своей идентичности, поскольку кризис идентичности налицо: автор сам обнаруживает в себе черты принадлежности к нескольким мирам и одновременно не является полноценной частью ни одного из них. Рефлексия автора по поводу этого

кризиса идентичности находится в центре повествования. Прибытие полуеврейской семьи в Германию в составе особого контингента беженцев в 1994 г. (даже спустя 21 год после этого события) – это не завершившаяся успешная история интеграции, как утверждают официальные источники, а незаживающий болезненный процесс: “Deswegen sitzen wir hier, die Integriertverlorenen, singen süßbitter und halten uns manchmal die Ohren zu, wenn die Lobreden losschleppern. Weil sie das Bild einer abgeschlossenen Erfolgsgeschichte verfestigen, wo in Wahrheit ein schmerzhafter Prozess weitertobt” (7).

Повествование не имеет строгих хронологических рамок, тем не менее в тексте разбросаны многочисленные упоминания актуальных событий недавнего и отдаленного прошлого, в том числе в форме привязанных к определенному месту и времени лингвострановедческих словреалий Советского Союза и России (“Rossiya 24”, “Hilfsgüter an dankbare syrische Kinder”, “Stalin”, “Nichtregierungsorganisationen”, “die NGOs”), Германии (“die Zugezogenen aus den Nachfolgestaaten der Sowjetunion”, „ein verschärftes Asylrecht und schnellere Abschiebungen”, “bevorstehende Bundestagswahlen”, “einen gesonderten deutschen Schuld kult mittragen”), Украины (“die Antisemiten der Ukraine”, “demokratisch gewählte ukrainische Diebe”) и Израиля (“Rabbitradiation der Familie”, “Kapitelman”, “der Talmudkundige”, “der besonders talmudkundige Mann”, “Jiddisch Hanukkah”, “Gesetze der Halacha”, “Museum of the Jewish People”, “das Heilige Land”) и др. Эта языковая канва текста позволяет восстановить миграционную историю одной конкретной семьи (в частности, путем указания на перемещения семьи между странами и городами, намеков на предстоящие выборы в Германии, ведущие к расширению спектра политических партий в бундестаге и к возможному ухудшению положения мигрантов; вынужденную смену имени матери при переезде в Германию; ситуацию с евреями эфиопского, арабского и палестинского происхождения в Израиле и т. п.), которую можно во многом экстраполировать на весь соответствующий миграционный поток.

В эссе сталкиваются три национальных сообщества, соответственно три интерпретационные модели со своими собственными параметрами описания событий, метафорически представленные отгороженными друг от друга несовместимыми территориями – “садами” (“Gärten”) этнических немцев и израильтян на территориях их постоянного проживания в Германии и Израиле и “лагерем” (“Camp”) еврейских беженцев в Германии.

Сад исконно выросших в Германии (на органической почве) этнических немцев (“Garten der organisch (Auf)gewachsenen”) ассоциируется не только с возделанной, ухоженной, культивируемой, но и упорядоченной территорией, отгороженной от остального мира. Как известно, в системе жизненных ценностей немцев сад занимает одно из самых приоритетных позиций. Согласно данным словарей, “Garten” имеет индо-германские корни (*ghorto-s или *ghordho-s “Flechtwerk, Zaun, Hürde”; “Umzäunung, Eingehegtes”) [Duden “Etymologie” 1989: 218]. В германских языках “*garda” имело значение “Haus als umzäunter Besitz”. В современном немецком языке “Garten” толкуется как “abgegrenztes Gelände zum Kleinanbau von Nutz- od. Zierpflanzen...”, например, “einen Garten anlegen, einzäunen” [Wahrig 1997: 520].

Сад этнических немцев персонифицирован двумя обитателями, с которыми автор-повествователь пытается выстроить межкультурный диалог, и порой ему даже кажется, что это ему удается, когда речь заходит о бытовых вопросах. На метафорическом уровне коммуникативный барьер выглядит тогда, как до смешного низенький, дырявый и ни от чего не спасающий забор: “Beim Thema unfreiwilliges Abfuhrmittel lachten wir alle drei herzlich, und der Identitätszaun schien lächerlich niedrig, löchrig und unbedeutend lumpig” (6).

Одним из собеседников автора-повествователя является противник приема иностранцев в Германии, он с трудом скрывает свое раздражение по поводу прибывающих мигрантов и их притязаний на равные с этническими немцами права. Враждебностью коренного населения по отношению к большим группам людей с миграционным прошлым заявил о себе в связи с миграционным кризисом новый социально-психологический феномен немецкого общества – “gruppenbezogene Menschenfeindlichkeit (GMF)” [Deutschland 2015: 125].

Второй собеседник из общества этнических немцев, напротив, представляет другую сторону общественного противостояния, а именно – коренных немцев, лояльно расположенных к мигрантам, демонстрирующих культуру гостеприимства (Willkommenskultur) и рассматривающих мигрантов как потенциальных сограждан (potenzielle Mit-Bürger), а не маргинализованное сообщество беженцев (marginalisierte Flüchtlingsscommunity), например: “Gut”, sagten sie höflich und ein wenig geduckt, weil sehr darauf bedacht, nichts politisch Inkorrekt zu sagen. Zumindest einer von beiden. Der zweite schwieg säuerlich und schien irgendwie gereizt” (4). “Ein paar Momente später fasste der Grimmige etwas Vertrauen und

fragte mich rundheraus: “Ganz ehrlich, so richtig seid ihr Bestmöglichangekommenen aber auch nicht zu begreifen. ...!”. Der etwas zu Korrekte aus dem Garten der organisch Gewachsenen wollte seinen Begleiter schon mahrend in die rechte Seite stoßen, aber ich bat ihn mit den Augen, das nicht zu tun” (4). “Kann man das eigentlich auch in Deutschland bekommen?”, fragte der kosmopolitischere Zaungast aus dem Garten der organisch Gewachsenen interessiert” (5). “Hmm, ja, schlimm der Stalin”, sagte mein etwas unberechenbar säuerlicher neuer Freund von hinter dem Identitätszaun, so, als hätte er die deutsche Geschichte bis in den letzten Partikel Schamstaub gereinigt...” (6). “Rjumacki”, sagte ich... “Reunuschkey”, wiederholte der zu Beginn latent Aggressive aus dem Garten der organisch Gewachsenen ebenso falsch wie herzallerliebste. Um das Gespräch weiterzutreiben, fragte der von Beginn an Offene: “Das heißt, du hast dich damit abgefunden, dein Leben im Camp der Bestmöglichangekommenen zu verbringen?” (7)

Сады Израиля (“Israels Gärten der organisch Neuzusammengewachsenen”) олицетворяют государство, где принадлежащие к касте избранных и вечно гонимых (“als Jude zur Kaste der Auserwählten und ewig Gejagten zählen”) могут, наконец, как полноценные граждане (“vollwertige Bürger, als reinblutiger Jude unter Juden”) гордо прогуливаться (“durch Israels Gärten der organisch Neuzusammengewachsenen stolzieren”) и наслаждаться жизнью (7). Основным в семантике словосращения “Neuzusammengewachsene” является указание на сравнительно недавно созданное государственное образование, органично (с полным правом) объединившее 14 мая 1948 г. этнических евреев со всего мира. Однако найти родину на родине вечно не имеющих родины (“Heimat in der Heimat der ewig Heimatlosen finden”) (8) автору не удалось, так как от его взора не ускользнула печальная судьба в Израиле эфиопских, арабских и палестинских евреев, да и сам его статус еврея оказался сомнительным в глазах его отца в силу происхождения от русской матери.

В отличие от садов этнических немцев, исконно проживающих на своей территории в Германии, и от садов недавно сформированного гомогенного израильского общества в государстве Израиль, сообщество еврейских беженцев в Германии метафорически обыграно как временное пристанище, лагерь, укрепление (“Camp der Bestmöglichangekommenen”) с непрозрачными границами, хотя еврейские переселенцы принимались Германией на самых лучших условиях с целью искупления преступлений фашистской Германии перед еврейским народом во время Второй мировой войны. На временный и не

очень обустроенный характер пристанища указывают палатки (“Zelte”), в которых ютятся переселенцы. Как известно, Camp, образованное от лат. *Campus* («ровная земля»), пришло в немецкий язык из английского. В современном английском языке Camp – это, в первую очередь, загородная территория, где люди живут в палатках или бараках; группа неких временных сооружений; место для летнего отдыха и обучения или тренировочная программа. В смысловом объеме слова “Camp” входят также такие значения, как «люди, объединенные какой-либо позицией или идеологией, и сама эта позиция», а, кроме того, «военная служба и армейский образ жизни» [Merriam-Webster’s collegiate dictionary 1999].

Таким образом, Camp как временное пристанище актуализирует в исследуемом контексте преимущественно милитарную метафорическую модель, отождествляя место содержания мигрантов с военным поселением, оборудованным для обороны, или даже с концентрационным лагерем, созданным для ограничения свободы перемещения и общения мигрантов с внешним миром. В тексте многократно появляются наименования “Camp”, “Garten”, “Grenzgebiet”, “Entgrenzungsschlagel”, “Zaungäste”, “Identifikationszaun” и т. п., которые выражают обоюдную настороженность и даже несовместимость мигрантов и принимающего их общества. Этнически однородные общества (“Mehrheitsgesellschaften”) (4) оказались не готовыми безоговорочно адаптировать переселенцев с неоднозначным миграционным прошлым и поэтому возводят своего рода демаркационные линии.

В связи с анализом общественного дискурса мы уже обращали внимание на те сценарии, в рамках которых проявляется неприязнь к мигрантам; в основе одного из главных сценариев лежит действующий жесткий критерий определения национальной принадлежности по этническому признаку, по принципу крови [Лапина, Ермаков 2018]. В немецком общественном дискурсе это даже привело к появлению композита “Bio-Deutscher” (“этнический немец”). По мнению толерантно настроенных по отношению к мигрантам экспертов-обществоведов, миграцию можно рассматривать как вызов этому анахроническому представлению о немецкой национальности [Jakob 2016: 14]. Они полагают также, что ограничительные меры федерального правительства Германии по отношению к мигрантам иногда смыкаются с политикой апартеида. Однако на требование мигрантов отменить определение немецкого гражданства по принципу происхождения большинство немецкого населения реагирует отрицательно. Основной Закон Германии и

существующее миграционное законодательство также исходят из того, что немцем (т. е. полноправным гражданином Германии) может быть только тот, кто генетически является немцем.

Обратимся теперь к языковым механизмам, с помощью которых «сделаны» эти базовые для текста «территориальные» метафоры. Метафорические наименования исконного этнического немецкого общества, беженцев-евреев из особого контингента переселенцев в Германию и еврейского общества, объединенного в рамках государства Израиль, представлены номинативными комплексами, состоящими из определяемого имени существительного и определения к нему в форме семантически развернутого причастия II, выступающего в роли существительного в родительном падеже: “Garten der organisch (Auf)gewachsenen“, “Israels Gärten der organisch Neuzusammengewachsenen“ и “Camp der Bestmöglichchangepkommenen”.

Эти номинативные комплексы обладают своеобразной семантикой, являясь одновременно и характеризующими, и квалифицирующими. Определяемое имя существительное называет и квалифицирует тип территории, а генитивная форма причастия II (в сочетании с указаниями на качество уже завершившегося действия, выраженного причастием II: organisch, Bestmöglich-) характеризует ее обитателей: упорядоченный сад постоянно и органично проживающих в нем законных граждан (немцев); ухоженные сады консолидирующегося однородного общества в рамках исторически недавно созданного государства Израиль; временный лагерь прибывших в Германию на особых условиях, но по-прежнему внутренне неприкаянных и вынужденных определять свои собственные жизненные позиции постсоветских евреев-переселенцев. Причастные формы помогают актуализировать процессуальный характер миграции: динамику становления однородного общества (der (Auf)gewachsenen, der Neuzusammengewachsenen) и перемещения мигрантов (der Bestmöglichchangepkommenen). Можно утверждать, что метафорическое представление действительности выступает как способ организации всего текста.

Наряду с очень точно выстроенными пространственными констелляциями трех разных сообществ в эссе сосуществуют три соотносимые с ними системы нравственных ценностей и представлений, воплощенных в своих собственных языковых картинах мира: это система ценностей ориентиров самого автора-повествователя, его русской матери и его еврея-отца. Модели мировосприятия общества и ценностные представления постсоветских мигрантов всякий раз са-

мым непосредственным образом связаны с понятием «родина».

Наиболее сложно организованной и уязвимой является система взглядов автора, принимающего в целом западные ценности, социализированного в Германии, но не чувствующего себя в этой стране своим и не желающего терять духовные связи со своими родителями, тем более что в системе жизненных ценностей евреев семья кодируется очень высоко: “Sicher, ich könnte die Stiefel der Mehrheitsgesellschaft schnüren und losmarschieren. Sprache und genetische Oberfläche würden nichts verraten. Nur müsste ich diesen Schritt alleine, ohne meine Familie gehen. Denn ihre Existenzzelle stehen in viel größerer Distanz zu Deutschland” (4).

В другом месте автор пишет об этом еще более определенно: “Ein Fremder. Ich verliere die erste und ewige Heimat eines Menschen, meine Familie” (7). Как известно, Heimat является производным от Heim. В немецкой модели интегративного страноведения, попытавшейся уточнить объем современного понятия родины (“Konturen eines neuen Heimatbegriffes”), утверждается, что Heimat так или иначе связано с понятием пространства (“Raumorientierung”) и процессами модернизации индустриального общества, ведущими к разрушению природы и окружающей среды. По мнению создателей модели, в XIX в. понятие “Heimat” было сильно идеологизировано и романтизировано и являлось наследием национализма: “Heimat, das reicht in seiner massivsten Ideologisierung weit über die nationale Beschwörung des gemeinsamen Vaterlandes hinaus bis zum militanten Blut- und Boden-Mythos” [Die Deutschen in ihrer Welt 1992: 61]. Начиная с 70-х гг. прошлого века понятие “Heimat” все больше сводится к локальности и региональности (“Lokalität, Regionalität, Bedeutung einer ökologisch intakten Umwelt und des sozialen Nah-Raums”), что во многом обусловлено федеративным принципом устройства государства, когда осознание принадлежности к какому-либо региону Германии и признание его своей (малой) родиной (“ein regionales und heimatbezogenes Bewußtsein”) выражено, как минимум, настолько же сильно, как и осознание национальной идентичности [Die Deutschen in ihrer Welt 1992: 62].

Очевидно, именно поэтому автор-повествователь, у которого понятие немецкой родины не локализовано, безуспешно пытается сломать стену недопонимания и даже полного непонимания в попытках выстроить коммуникацию с принимающим обществом. Признавая, что он в какой-то степени олицетворяет стереотипы восточного европейца, но стремясь найти общий

язык с этническими немцами он прибегает к испытанному средству – совместному распитию водки: “Ich bot beiden Wodka an, damit sie sich ein wenig entspannten. Und ich hatte Spaß daran, das Stereotyp vom Wodka-Osteuropäer, der ich auch irgendwie bin, zu bestätigen” (4).

На фоне противоречивой и многомерной системы ценностей сына удивительно четко обозначены ценностные приоритеты его русской матери, безоговорочно принимающей реалии Советского Союза и современной России, российские средства массовой информации, внешнюю и внутреннюю политику России, позволяющей себе резкие выпады против современной правящей элиты Украины и «америкосов»: “Sie zog ihre Augenbrauen beispielsweise nicht hoch, als Putin die Krim annektierte – entgegen jedem modernen Verständnis von Völkerrecht. Da sagte sie nur, dass die Krim doch sowieso schon immer russisch gewesen sei. Und dass es den Menschen dort unter russischer Ägide viel besser gehen werde als in den Klauen der demokratisch gewählten ukrainischen Diebe. Und dass die Westmedien, für die ich auch arbeite, nur einseitige Lügen verbreiten und nie etwas gegen die ‚Amerikossi‘, die USA, schreiben würden. Das machte mich rasend. Aber nicht anti-russisch”(6). Высоко поднятые брови матери всякий раз выступают в качестве внешнего маркера ее пристрастного отношения к тем или иным событиям прошлого и настоящего: “Und auch Vera zog erstaunt die Augenbrauen hoch. Das tut sie nicht immer, wenn es um Russland oder die Sowjetunion geht” (5). “Sie zog ihre Augenbrauen beispielsweise nicht hoch, als Putin die Krim annektierte – entgegen jedem modernen Verständnis von Völkerrecht” (6). “Dennoch, Veras Augenbrauen bleiben grundsätzlich ungehoben, wenn es um Freiheit geht. “Damit stellen Menschen eh nur Unsinn an”, sagt sie dann gern” (6). Как правило, семантика высоко поднятых бровей и широко открытых глаз соответствует эмоции удивления, однако в контексте метафорической связи глаз и способа восприятия действительности эти мимические движения можно трактовать и как своего рода ментальный астигматизм, некоторое искажение объективной картины мира путем его исключительно положительной интерпретации. В анализируемом тексте обнаруживается большое количество и других антропоморфных метафор, когда сферой-источником метафорической экспансии выступает сфера «Человек» и появляется возможность проследить идею телесной памяти, воплощенную в языке [Лапина, Мильц 2018: 33]. Так, глаза ассоциируются с точкой зрения или позицией, одобряемой той или иной культурой (как в приведенных выше примерах), а ступни ног и обувь –

с вторжением и пересечением границ: “Für den letzten Schritt auf das vertraute Grenzgebiet habe ich dann aber doch die falschen Fremdfüße. Sicher, ich könnte die Stiefel der Mehrheitsgesellschaft schnüren und losmarschieren” (4).

Жизненные установки отца автора пронизаны беспокойством за судьбу жены и сына, которое не позволяет ему чувствовать себя комфортно ни на Украине, ни в Германии, ни в Израиле. В тексте эссе эта осторожная позиция отца неоднократно отмечается его сыном: “Kapitelman ist im Jiddischen der besonders talmudkundige Mann, der gern und oft Kapitel aus der heiligen Schrift herbetet. Und weil mein Vater Angst davor hatte, dass die Antisemiten der Ukraine wünschen, dass mir Judenkind das Faringosept in der Kehle stecken bleiben möge, beschloss er, dass ich nicht Kapitelman heißen soll. Was heute, 21 Jahre nach unserer Auswanderung nach Germania, dazu führt, dass ich mit deutschen Behörden um mein Recht auf den Namen des Talmudkundigen ringe” (5). “Einen Tag nachdem ich mit meinem lieben Vater am Ben-Gurion-Flughafen Tel Aviv gelandet war, proklamierte er, endlich in seiner Heimat angekommen zu sein. In seinen 59 Jahren zuvor hatte er diese Heimat nicht einmal aufgesucht. Und kurz bevor wir 2015 flogen (die ganze Reise war meine Initiative), kackelte er noch, dass er zwischen Disney Land und Jerusalem keinen großen Unterschied sehe. <...> Gleichzeitig glaubte er sein Leben lang, als Jude zur Kaste der Auserwählten und ewig Gejagten zu zählen, während er den philosemitischen Staatsbekenntnissen des neuen Deutschlands kaum Glauben schenkte. Trotzdem immigrierten wir vor 21 Jahren in das Land, dem Leonid nicht traute, statt nach Israel” (7). К переезду в Германию отца подтолкнуло то, что его жена не является еврейкой, соответственно, их сын всегда будет в Израиле евреем второго сорта. Но и Германия не является для него страной, близкой по духу, поскольку он не испытывает доверия к ее официальной политике толерантности по отношению к мигрантам.

Поэтому в эссе всячески актуализируется понятие несовместимости и, как следствие, существование видимых и невидимых границ между соседями, с помощью которых представители различных сообществ внутри одной страны отгораживаются друг от друга, а также «заборов» между разными странами. Линия несовместимости проходит, главным образом, по этническому признаку: “Was ist euer Problem? Ihr wollt als Deutsche behandelt werden, aber wehe, man vergisst zu erwähnen, dass ihr keine Deutschen seid! Ihr verlangt hier eine legitime Heimat und trötet dann eure Entgrenzungsschläger!” (4).

Кроме признака кровного родства, проблема идентичности имеет в тексте также бытовое, языковое, культурное и политическое измерение, которые, как правило, накладываются друг на друга. Так, автор-повествователь отрицательно относится к личности российского президента, но полностью идентифицирует себя с русским языком: “Meine wunderbare russische Muttersprache und all die emotionalen Assoziationsuniversen, die ich mit ihr empfinde, kann er mir damit nicht nehmen” (6). В тексте оговаривается, что отец автора проживал в той части Киева, которая больше идентифицировала себя с русским языком и русской культурой: “...er lebte im östlichen Teil, der sich eher mit der Sprache und Kultur Russlands identifizierte” (5). При этом сын любит своих родителей и у него нет антирусских настроений. Более того, он выражает озабоченность, что новое поколение переселенцев все меньше понимает язык и культуру своих родителей, попадая в разряд своего рода интеграционных сирот (“Integrationswaisen”): “Und so sitzen wir manchmal abends an unserem Lagerfeuer und lachen schwer darüber, dass wir die Sprache und Kultur unserer Eltern immer weniger verstehen” (4).

Политический аспект проблемы идентичности можно во многом интерпретировать как противопоставление Востока и Запада, представленное членами одной семьи. Так, автор-повествователь называет своих родителей “meine osteuropäischen Eltern” (6). В тексте подчеркивается, что сын приехал в Германию в детском возрасте (“1986 in der Sowjetunion “geboren und gemacht wurde”) (6), получил западное образование, проживает в западной части Германии, работает в западных СМИ и позиционирует себя как представителя западной демократии (“weil ich mich als Demokrat und vor allem Humanist verstehe”) (6), а его родители сформировались в условиях Советского Союза и представляют другую политическую и бытовую культуру. После переезда в Германию они живут в Лейпциге (т. е. в бывшей ГДР) и постоянно смотрят передачи центрального российского телевидения. Различающиеся политические и бытовые установки часто выливаются в словесные баталии (“verbale Kriege”) между сыном и матерью по самым разным поводам. Один из поводов (“die Überlegenheit postsowjetischer Medikamente gegenüber den westlichen Pharmazeutnissen”) (5) лежит в основе описываемых в эссе событий.

Эссе заканчивается на неопределенно-тревожной ноте. Последние реалии политической жизни, связанные с выборами, убеждают автора, являющегося сторонником западных демократических ценностей, в том, что в Германии нарастают

экстремистские настроения, не укладывающиеся в его представления о демократии и парламентаризме: “Und ich zählte die Populisten, die selbsternannten Protestparteien und den enormen Zuspruch für ihre Parolen auf. Ich dachte an Vera und Leonid, dachte wieder an die bevorstehenden Wahlen und kippte zwei Wodka mehr als meine neuen Freunde. Während mein innerer Kompass unbeeindruckt nüchtern weiterfragte: Wo gehst du jetzt hin?” (8). Очевидно, что на уровне обыденного сознания единая Европа без национальных границ утверждается с большим трудом. Вопрос в заглавии эссе (“Was ist Heimat?”), вопрос в заглавии последней части эссе (“Unterwegs in den eigenen Gärten?”) (7), пессимистичный вопрос в конце эссе (“Wo gehst du jetzt hin?”) (8) остаются без ответа. Поиски родины оказались безуспешными. Реальные судьбы людей плохо укладываются в официально прописанные сценарии миграционных событий, связанных с интеграцией даже тех мигрантов, которые прибыли в Германию на льготных условиях.

Можно, очевидно, утверждать, что отголоски проблематики Берлинской стены, 30-летие падения которой отмечалось 9 ноября 2019 г., предстают в новом историческом преломлении как новые *заборы* (преграды) между разными сегментами миграционного общества, в результате чего автору-повествователю не удастся однозначно решить проблему идентичности для себя и своей семьи, просто признав идею разнообразия принимающего общества, не отказавшись от своей привычной системы ценностей. Поиски родины в человеческом измерении оказались несостоятельными. Кризис идентичности для прибывших в Германию продолжается. Возникшие в период объединения Германии метафорические выражения “die Mauer der Sprache”, “Mauer in den Köpfen”, “psychologische Mauer”, “innere Mauer”, сопровождавшие дебаты вокруг состояния немецкого общества в тот период времени [Müller 1994], вполне применимы и к ситуации в немецком обществе в период обострения миграционного кризиса. На смену оптимистичному «регулятивному» подходу к управлению миграцией приходят более адекватные наблюдения о сложности, противоречивости, неоднозначности и разнонаправленности этого процесса, связанного с кризисом идентичности, что нашло отражение и на языковом уровне.

Текстовый анализ показал, что языковое осмысление миграционных процессов в немецком общественном дискурсе неизбежно сопряжено с появлением и актуализацией пространственно-территориальных метафор, связанных с нахождением и перемещением в этих простран-

ствах субъектов миграции с их автономными системами нравственных ценностей, поведенческих норм и своими языковыми картинами мира.

Примечания

¹ *Kapitelman D.* Was ist Heimat? Im Camp der Bestmöglichstangekommenen // *Aus Politik und Zeitgeschichte (APuZ).* Fremd in der Heimat? 11–12 / 2017. S. 4–8.

² Здесь и далее ссылки на источник цитирования [Kapitelman 2017] даются в круглых скобках с указанием номера страницы.

Список литературы

Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. М.: Помовский и партнеры, 1994. 330 с.

Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М.: Ин-т рус. языка АН СССР, 1991. 193 с.

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации. М.: Флинта: Наука, 2008. 248 с.

Веснина Л. Е. Метафорическое моделирование миграции (по материалам российских печатных СМИ и данным ассоциативного эксперимента): дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2010. 250 с.

Голышко-Вольфсон Дм. Эссе о невозможности эссе (Проза Аркадия Драгомощенко в контексте современной эссеистики) // *НЛЮ.* 2010. № 104. С. 202–217.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

Лапина Л. Г., Ермаков М. М. Языковые и правовые аспекты европейской миграции // *Евразийский гуманитарный журнал.* 2018. № 4. С. 57–62.

Лапина Л. Г., Мильц Е. В. Язык как метафора в рассказах Х. Мантел “Learning to Talk” и Э. Оздамар “Mutterzunge” // *Евразийский гуманитарный журнал.* 2018. № 4. С. 29–38.

Спивак-Лаврова И. И. Жанр эссе: на границе литературы fiction и non-fiction // *Поволжский педагогический вестник.* 2018. Т. 6, № 1(18). С. 115–119.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.

Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: пер. с англ. / общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. М.: Флинта, 2006. 342 с.

Asylgesetz 2017 (AsylG), Geltung ab 01.07.1992. URL: <http://buzer.de> (дата обращения: 27.04.2018).

Bhabha H. K. *The Location of Culture*. L.; N. Y.: Routledge, 2004. 322 p.

Bundesvertriebenengesetz 2009: Gesetz über die Angelegenheiten der Vertriebenen und Flüchtlinge – BVFG / Ein Service des Bundesministeriums der Justiz in Zusammenarbeit mit der juris GmbH. URL: www.juris.de (дата обращения: 10.10.2019).

Deutschland 25. Gesellschaftliche Trends und politische Einstellungen. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 2015. 344 S.

Die Deutschen in ihrer Welt: Tübinger Modell einer integrativen Landeskunde / Herausgegeben von Paul Mog in Zusammenarbeit mit Hans-Joachim Althaus. Berlin und München: Langenscheidt, 1992. 264 S.

Duden “Etymologie”: Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache / 2., völlig neu bearb. und erw. Auflage / von Günther Drosdowski. Mannheim: Dudenverlag, 1989. 839 S.

Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland: Textausgabe / Sonderausgabe für die Bundeszentrale für politische Bildung. Bonn: herausgegeben vom Deutschen Bundestag, 2014. 143 S.

Jakob Ch. Die Bleibenden. Flüchtlinge verändern Deutschland: Aus Politik und Zeitgeschichte (APuZ). Zufluchtsgesellschaft Deutschland // Beilage zur Wochenzeitung Das Parlament. 14–16 / 2016. S. 9–14.

Kapitلمان D. Was ist Heimat? Im Camp der Bestmöglichstangekommenen // Aus Politik und Zeitgeschichte (APuZ). Fremd in der Heimat? Beilage zur Wochenzeitung Das Parlament. 11–12 / 2017, pp. 4–8.

Merriam-Webster’s collegiate dictionary. 10th ed. Springfield: Merriam-Webster Incorporated, 1999. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/camp> (дата обращения: 12.10.2019).

Müller G. Der “Besserwessi” und die “innere Mauer”. Anmerkungen zum Sprachgebrauch im vereinigten Deutschland // Muttersprache. 1994. № 2. S. 118–135.

Özdamar E. S. Berlin, Stadt der Vögel // Zebrastrifen. Neue deutsche Literatur. Moskau: Goethe-Institut, 2004. S. 139–153.

Panagiotidis J. Postsowjetische Migranten in Deutschland. Perspektiven auf eine heterogene “Diaspora”: Aus Politik und Zeitgeschichte (APuZ). Fremd in der Heimat // Beilage zur Wochenzeitung Das Parlament. 11–12 / 2017. S. 23–30.

Tilley C. Metaphor and Material Culture. Oxford: Mass Blackwell Publishers, 1999. 298 p.

Verordnung zur Erhebung der Merkmale des Migrationshintergrundes 2010: Migrationshintergrund- Erhebungsverordnung – MigHEV. Ausfertigungsdatum: 29.09.2010 / Ein Service des Bundesministeriums der Justiz und für Verbraucherschutz

in Zusammenarbeit mit der juris GmbH. www.juris.de. (дата обращения: 20.08.2019).

Wahrig G. Deutsches Wörterbuch: 6., neu bearb. Auflage / Neu herausgegeben von Dr. Renate Wahrig-Burfeind. Leipzig: Bertelsmann Lexikon Verlag, 1997. 1420 S.

Zufluchtsgesellschaft Deutschlands: Aus Politik und Zeitgeschichte (APuZ). Zufluchtsgesellschaft Deutschland // Beilage zur Wochenzeitung Das Parlament. 14–16 / 2016. 45 S.

References

Baranov A. N. *Slovar’ russkikh politicheskikh metaphor* [The dictionary of Russian political metaphors]. Ed. by A. N. Baranov, Yu. N. Karaulov. Moscow, Pomovskiy i partnery Publ., 1994. 330 p. (In Russ.)

Baranov A. N., Karaulov Yu. N. *Russkaya politicheskaya metafora (materialy k slovaryu)* [Russian political metaphor (materials for the dictionary)]. Moscow, Institute of the Russian Language of the Academy of Sciences of USSR Publ., 1991. 193 p. (In Russ.)

Budaev E. V. *Metafora v politicheskoy kommunikatsii: monografiya* [Metaphor in political communication: monograph]. Ed. by E. V. Budaev, A. P. Chudinov. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2008. 248 p. (In Russ.)

Vesnina L. E. *Metaforicheskoe modelirovanie migratsii (po materialam rossiyskikh pechatnykh SMI i dannym assotsiativnogo eksperimenta): Diss. ... kand. filol. nauk* [Metaphoric modelling of migration (based on the material of Russian printed media and data of the associations-related experiment). Cand. philol. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2010. 250 p. (In Russ.)

Golynko-Wolfson D. *Esse o nevozmozhnosti esse (Proza Arkadiya Dragomoshchenko v kontekste sovremennoy esseistiki)* [An essay on the impossibility of an essay (The prose of Arkadiy Dragomoshchenko in the context of modern essay-writing)], *NLO*, 2010, issue 104, pp. 202–217. (In Russ.)

Lakoff G., Johnson M. *Metaforay, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. 256 p. (In Russ.)

Lapina L. G., Ermakov M. M. *Yazykovye i pravovye aspekty evropeyskoy migratsii* [Language and legal aspects of European migration]. *Evrasiyskiy gumanitarnyy zhurnal. Nauchnyy zhurnal*. [Eurasian Humanitarian Journal], 2018, issue 4, pp. 57–62. (In Russ.)

Lapina L. G., Milz E. V. *Yazyk kak metafora v rasskazakh Kh. Mantel ‘Learning to Talk’ i E. Ozdamar ‘Mutterzunge’* [Language as metaphor in the stories ‘Learning to Talk’ by H. Mantel and ‘Mut-

terzunge' by E. Ozdamar]. *Evrasijskiy gumanitarnyy zhurnal. Nauchnyy zhurnal*. [Eurasian Humanitarian Journal], 2018, issue 4, pp. 29–38. (In Russ.)

Spivak-Lavrova I. I. Zhanr esse: na granitse literatury fiction i non-fiction [Essay: On the border of fiction and non-fiction]. *Povolzhskiy pedagogicheskiy vestnik* [Volga Region Pedagogical Herald], 2018, vol. 6, issue 1(18), pp. 115–119. (In Russ.)

Chudinov A. P. *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991–2000): monographiya* [Russia in metaphoric mirror: the cognitive study of political metaphor (1991–2000): Monograph]. Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University Press, 2001. 238 p. (In Russ.)

Erikson E. *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: youth and crisis]. Transl. from English. Ed. and preface by A. V. Tolstykh. Moscow, Flinta Publ., 2006. 342 p. (In Russ.)

Asylgesetz 2017 (AsylG), Geltung ab 01.07.1992. Available at: <http://buzer.de> (accessed 27.04.2018). (In Ger.)

Bhabha H. K. *The Location of Culture*. London and New York, Routledge, 2004. 285 p. (In Eng.)

Bundesvertriebenengesetz 2009: Gesetz über die Angelegenheiten der Vertriebenen und Flüchtlinge – BVFG. *Ein Service des Bundesministeriums der Justiz in Zusammenarbeit mit der juris GmbH*. Available at: www.juris.de (accessed 10.10.2019). (In Ger.)

Deutschland 25. Gesellschaftliche Trends und politische Einstellungen. Bonn, Bundeszentrale für politische Bildung, 2015. 344 p. (In Ger.)

Die Deutschen in ihrer Welt. Tübinger Modell einer integrativen Landeskunde. *Herausgegeben von Paul Mog in Zusammenarbeit mit Hans-Joachim Althaus*. Berlin and Munich, Langenscheidt, 1992. 264 p. (In Ger.)

Duden 'Etymologie': Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache. Mannheim, Dudenverlag, 1989. 839 p. (In Ger.)

Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. Textausgabe. *Sonderausgabe für die Bundeszentrale für politische Bildung*. Bonn, herausgege-

ben vom Deutschen Bundestag, 2014. 143 p. (In Ger.)

Jakob Ch. Die Bleibenden. Flüchtlinge verändern Deutschland. *Aus Politik und Zeitgeschichte (APuZ)*. Zufluchtsgesellschaft Deutschland. Beilage zur Wochenzeitung Das Parlament. 14–16 / 2016, pp. 9–14. (In Ger.)

Kapitelman D. Was ist Heimat? Im Camp der Bestmöglichangekommenen. *Aus Politik und Zeitgeschichte (APuZ)*. Fremd in der Heimat? Beilage zur Wochenzeitung Das Parlament. 11–12 / 2017, pp. 4–8. (In Ger.)

Merriam-Webster's collegiate dictionary. 10th ed. Springfield: Merriam-Webster Incorporated, 1999. Available at: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/camp><http://www.merriam-webster.com/dictionary/camp> (accessed 11.10.2019). (In Eng.)

Müller G. 'Der Besserwessi' und die 'innere Mauer'. Anmerkungen zum Sprachgebrauch im vereinigten Deutschland. *Muttersprache*, 1994, issue 2, pp. 118–135. (In Ger.)

Özdamar E. S. Berlin, Stadt der Vögel. *Zebra-streifen*. Neue deutsche Literatur. Moscow, Goethe Institute Press, 2004, pp. 139–153. (In Ger.)

Panagiotidis J. Postsowjetische Migranten in Deutschland. Perspektiven auf eine heterogene 'Diaspora'. *Aus Politik und Zeitgeschichte (APuZ)*. Fremd in der Heimat. Beilage zur Wochenzeitung Das Parlament. 11–12 / 2017, pp. 23–30. (In Ger.)

Tilley C., *Metaphor and Material Culture*. Oxford, Mass Blackwell Publishers, 1999. 298 p. (In Eng.)

Verordnung zur Erhebung der Merkmale des Migrationshintergrundes 2010: Migrationshintergrund – Erhebungsverordnung – MighEV. Ausfertigungsdatum: 29.09.2010. *Ein Service des Bundesministeriums der Justiz und für Verbraucherschutz in Zusammenarbeit mit der juris GmbH*. Available at: www.juris.de (accessed 20.08.2019). (In Ger.)

Wahrig G. *Deutsches Wörterbuch*. 6., neu bearb. Auflage. Leipzig, Bertelsmann Lexikon Verlag, 1997. 1420 p. (In Ger.)

Zufluchtsgesellschaft Deutschlands. *Aus Politik und Zeitgeschichte (APuZ)*. Zufluchtsgesellschaft Deutschland. Beilage zur Wochenzeitung Das Parlament. 14–16 / 2016. 45 p (In Ger.)

METAPHORIC REPRESENTATION OF THE IDENTITY CRISIS IN GERMAN SOCIAL DISCOURSE ON POST-SOVIET MIGRANTS IN GERMANY

Larisa G. Lapina

Associate Professor in the Department of Linguodidactics

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. lapina48@mail.ru

SPIN-code: 4181-4364

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7550-7779>

ResearcherID: D-8543-2017

Evgeniia V. Lapina

Associate Professor in the Department of Linguodidactics

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. janerm@list.ru

SPIN-code: 1609-1628

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2091-0840>

ResearcherID: D-1049-2017

Submitted 26.11.2019

The article concerns the ways of metaphoric representation of the identity crisis in German social discourse on post-Soviet migrants in Germany. In the contemporary West European society, the growth of migration processes and socio-cultural transformations makes the notion of migrants' identity crisis highly relevant. The problem has acquired particular topicality in Germany during the recent years in terms of the prospects and challenges to successful integration of representatives of different migration streams. This article analyzes cognitive metaphors of the identity crisis among post-Soviet migrants. It studies in detail the historical and legislative preconditions that have led to the formation of this migrant community, as well as the specific features characterizing the development of this crises and how it is experienced within the community.

The conclusion is made that the language follow-through and reflection on the migration processes are inevitably accompanied by the emergence and actualization of spatial metaphoric models connected with spatial boundaries and the location and movement of migration subjects within those boundaries. A metaphor is viewed in the framework of cognitive metaphor theory as a universal cognitive mechanism and an integral part of human conceptual and verbal systems involved in the perception and categorization activity. In the process of their unfolding, basic spatial metaphors acquire a well-developed network of corresponding secondary metaphoric nominations. The functioning of participial constructions has a special meaning in the composition of basic spatial metaphors: they emphasize the processual character of migration, the dynamics of migrants' relocation and the manifestations of the identity crisis in the context of heterogeneous migration society.

Key words: metaphor; social discourse; migration society; post-Soviet migrants; identity crisis.